

ИНОГДА САМОЕ СТРАШНОЕ
ЖИВЁТ РЯДОМ С ТОБОЙ

ОХОТНИКИ
ИЗ НАНКИ

— КНИГА ПЕРВАЯ —
«ТРИ УДАРА»

ЧЫНГЫЗ Манасбеков

**Охотники Изнанки: Три
удара. Книга первая**

«Автор»

2026

Манасбеков Ч.

Охотники Изнанки: Три удара. Книга первая / Ч. Манасбеков — «Автор», 2026

Охотники Изнанки: Три удара
Семь лет Марк Воронов пытался забыть ночь, когда погибла его сестра. Он верил, что авария забрала у него самое дорогое, пока однажды в 3:17 ночи не раздался телефонный звонок. На другом конце провода был голос Лизы. Девушки, которая не могла быть жива. Следуя её предупреждению, Марк оказывается втянут в мир тайных охотников, древних существ и проклятых мест, где мёртвые возвращаются с чужими лицами, а воспоминания становятся смертельно опасным оружием. Вместе с двумя охотниками ему предстоит раскрыть тайну исчезновения отца, пройти через заброшенные санатории и города, которых нет ни на одной карте, и столкнуться с Собирателем — чудовищем, способным украсть прошлое человека и превратить его жизнь в бесконечный кошмар. Но что, если самое страшное зло родилось из любви? И какую цену придётся заплатить Марку, чтобы спасти тех, кого ещё можно спасти?

© Манасбеков Ч., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	6
Глава 1. Звонок в 3:17	7
Глава 2. Коробка отца	9
Глава 3. Мотель «Север»	11
Глава 4. Правило трёх ударов	13
Глава 5. Девушка на плёнке	15
Глава 6. Мост чёрной воды	17
Глава 7. Карта из кости	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Чынгыз Манасбеков

Охотники Изнанки: Три удара. Книга первая

ОХОТНИКИ

ИЗНАНКИ

Книга первая: Три удара

Мистический триллер • городское фэнтези • хоррор

Аннотация

Семь лет Марк Воронов считал, что его сестра погибла в автомобильной аварии. Но однажды ночью ей удаётся позвонить из мира, которого не должно существовать. След приводит Марка к тайным охотникам, защищающим людей от существ, крадущих воспоминания и надевающих лица умерших. Чтобы остановить Собирателя — чудовище, желающее навсегда заморозить мир в прошлом, — Марку придётся узнать правду об отце, сестре и собственной вине. Но самое страшное открытие ждёт его там, где память становится ловушкой, а любовь — последней дверью.

Самостоятельная история с оригинальными персонажами и собственной мифологией, вдохновлённая атмосферой дорожных приключений, сверхъестественных расследований и охоты на нечисть.

Глава 1. Звонок в 3:17

Марк Воронов проснулся от звонка в три часа семнадцать минут. На экране не было номера — только белый круг и слово «Домой». Женщина на линии говорила голосом его сестры Лизы, погибшей семь лет назад. «Не выходи из квартиры. И не смотри в окно». Разумеется, Марк посмотрел. Под фонарём стоял мужчина в сером пальто, а дождь проходил сквозь него, словно тот был нарисован на стекле. Незнакомец поднял голову и улыбнулся слишком широко. «Оно уже знает, что ты проснулся, — прошептала Лиза. — Найди старую заправку на дороге к Сосновску. Под полом коробка. И если увидишь меня, не верь мне». На запотевшем стекле проступили слова: «ТЫ ОПОЗДАЛ».

Нина разложила найденные предметы на чистой ткани и объяснила, что у каждой аномалии есть три слоя: то, что увидел свидетель; то, что осталось в материальном мире; и то, что существо хочет, чтобы охотник подумал. Марк записал всё в блокнот. Он привык искать быстрый ответ, но теперь понял: поспешный вывод часто опаснее чудовища.

Илья проверил двери и окна, затем провёл мелом тонкую линию у порога. Он не верил в непобедимых монстров, но знал, что привычка спасает чаще, чем храбрость. «Мы не обязаны знать всё, — сказал он. — Мы обязаны замечать, когда чего-то не знаем». Марк запомнил эти слова лучше любой инструкции.

В тишине Марк вспоминал сестру не как фотографию, а как живого человека: упрямую, смешливую, иногда невыносимую. Он пытался удержать не идеальную версию прошлого, а правду, в которой были ссоры, извинения и обычные дни. Эта память не давала готовых ответов, зато помогала распознавать ложь.

Позже Марк заметил деталь, которую раньше пропустил: в рассказе свидетеля не совпало время, на фотографии отсутствовала тень, или знакомое имя было написано чужой рукой. Он не стал объявлять это доказательством. Вместо этого сравнил находку с записями отца, попросил Нину проверить знак и дождался, пока Илья осмотрит место. Только после этого они решились на следующий шаг. В их работе чудеса не отменяли внимательность; наоборот, требовали её ещё больше.

— Что, если мы ошибаемся? — спросил Марк. Нина не ответила сразу. Она рассказала о случае, когда охотники приняли испуганного человека за приманку и чуть не оставили его умирать. «С тех пор я не называю никого чудовищем, пока не проверю, что передо мной, — сказала она. — Но если опасность подтверждается, нельзя притворяться, что её нет». Илья кивнул: милосердие без осторожности превращается в безрассудство, а осторожность без милосердия — в жестокость.

Ночью Марку приснился мост. Вода под ним поднималась к небу, а Лиза стояла на другом берегу и не звала его. Это было страшнее прежних кошмаров: впервые сестра не просила спасти её. Проснувшись, Марк записал сон, но не стал считать его пророчеством. Он начал понимать, что Изнанка пользуется его горем, однако не каждое чувство, которое она пробуждает, принадлежит ей. Иногда боль — просто боль, и с ней нужно научиться жить.

Позже Марк заметил деталь, которую раньше пропустил: в рассказе свидетеля не совпало время, на фотографии отсутствовала тень, или знакомое имя было написано чужой рукой. Он не стал объявлять это доказательством. Вместо этого сравнил находку с записями отца, попросил Нину проверить знак и дождался, пока Илья осмотрит место. Только после этого они решились на следующий шаг. В их работе чудеса не отменяли внимательность; наоборот, требовали её ещё больше.

— Что, если мы ошибаемся? — спросил Марк. Нина не ответила сразу. Она рассказала о случае, когда охотники приняли испуганного человека за приманку и чуть не оставили его умирать. «С тех пор я не называю никого чудовищем, пока не проверю, что передо мной, —

сказала она. — Но если опасность подтверждается, нельзя притворяться, что её нет». Илья кивнул: милосердие без осторожности превращается в безрассудство, а осторожность без милосердия — в жестокость.

Ночью Марку приснился мост. Вода под ним поднималась к небу, а Лиза стояла на другом берегу и не звала его. Это было страшнее прежних кошмаров: впервые сестра не просила спасти её. Проснувшись, Марк записал сон, но не стал считать его пророчеством. Он начал понимать, что Изнанка пользуется его горем, однако не каждое чувство, которое она пробуждает, принадлежит ей. Иногда боль — просто боль, и с ней нужно научиться жить.

Позже Марк заметил деталь, которую раньше пропустил: в рассказе свидетеля не совпало время, на фотографии отсутствовала тень, или знакомое имя было написано чужой рукой. Он не стал объявлять это доказательством. Вместо этого сравнил находку с записями отца, попросил Нину проверить знак и дождался, пока Илья осмотрит место. Только после этого они решились на следующий шаг. В их работе чудеса не отменяли внимательность; наоборот, требовали её ещё больше.

Глава 2. Коробка отца

Старая заправка «Последний поворот» стояла у пустого шоссе. Под половицей подсобки Марк нашёл металлическую коробку: кассеты, фотографии, ключи и блокнот отца, исчезнувшего много лет назад. На первой странице было написано: «Если ты читаешь это, значит, я не сумел закончить дело». В блокноте описывались люди, пропадавшие из запертых комнат, деревни, забывавшие имена жителей, и голоса из выключенных радиоприёмников. За спиной появилась Нина Кравец — охотница на существ, приходящих из Изнанки. Она знала отца Марка и, судя по её лицу, боялась не за себя.

Нина разложила найденные предметы на чистой ткани и объяснила, что у каждой аномалии есть три слоя: то, что увидел свидетель; то, что осталось в материальном мире; и то, что существо хочет, чтобы охотник подумал. Марк записал всё в блокнот. Он привык искать быстрый ответ, но теперь понял: поспешный вывод часто опаснее чудовища.

Илья проверил двери и окна, затем провёл мелом тонкую линию у порога. Он не верил в непобедимых монстров, но знал, что привычка спасает чаще, чем храбрость. «Мы не обязаны знать всё, — сказал он. — Мы обязаны замечать, когда чего-то не знаем». Марк запомнил эти слова лучше любой инструкции.

В тишине Марк вспоминал сестру не как фотографию, а как живого человека: упрямую, смешливую, иногда невыносимую. Он пытался удержать не идеальную версию прошлого, а правду, в которой были ссоры, извинения и обычные дни. Эта память не давала готовых ответов, зато помогала распознавать ложь.

Позже Марк заметил деталь, которую раньше пропустил: в рассказе свидетеля не совпало время, на фотографии отсутствовала тень, или знакомое имя было написано чужой рукой. Он не стал объявлять это доказательством. Вместо этого сравнил находку с записями отца, попросил Нину проверить знак и дождался, пока Илья осмотрит место. Только после этого они решились на следующий шаг. В их работе чудеса не отменяли внимательность; наоборот, требовали её ещё больше.

— Что, если мы ошибаемся? — спросил Марк. Нина не ответила сразу. Она рассказала о случае, когда охотники приняли испуганного человека за приманку и чуть не оставили его умирать. «С тех пор я не называю никого чудовищем, пока не проверю, что передо мной, — сказала она. — Но если опасность подтверждается, нельзя притворяться, что её нет». Илья кивнул: милосердие без осторожности превращается в безрассудство, а осторожность без милосердия — в жестокость.

Ночью Марку приснился мост. Вода под ним поднималась к небу, а Лиза стояла на другом берегу и не звала его. Это было страшнее прежних кошмаров: впервые сестра не просила спасти её. Проснувшись, Марк записал сон, но не стал считать его пророчеством. Он начал понимать, что Изнанка пользуется его горем, однако не каждое чувство, которое она пробуждает, принадлежит ей. Иногда боль — просто боль, и с ней нужно научиться жить.

Позже Марк заметил деталь, которую раньше пропустил: в рассказе свидетеля не совпало время, на фотографии отсутствовала тень, или знакомое имя было написано чужой рукой. Он не стал объявлять это доказательством. Вместо этого сравнил находку с записями отца, попросил Нину проверить знак и дождался, пока Илья осмотрит место. Только после этого они решились на следующий шаг. В их работе чудеса не отменяли внимательность; наоборот, требовали её ещё больше.

— Что, если мы ошибаемся? — спросил Марк. Нина не ответила сразу. Она рассказала о случае, когда охотники приняли испуганного человека за приманку и чуть не оставили его умирать. «С тех пор я не называю никого чудовищем, пока не проверю, что передо мной, — сказала она. — Но если опасность подтверждается, нельзя притворяться, что её нет». Илья кив-

нул: милосердие без осторожности превращается в безрассудство, а осторожность без милосердия — в жестокость.

Ночью Марку приснился мост. Вода под ним поднималась к небу, а Лиза стояла на другом берегу и не звала его. Это было страшнее прежних кошмаров: впервые сестра не просила спасти её. Проснувшись, Марк записал сон, но не стал считать его пророчеством. Он начал понимать, что Изнанка пользуется его горем, однако не каждое чувство, которое она пробуждает, принадлежит ей. Иногда боль — просто боль, и с ней нужно научиться жить.

Позже Марк заметил деталь, которую раньше пропустил: в рассказе свидетеля не совпало время, на фотографии отсутствовала тень, или знакомое имя было написано чужой рукой. Он не стал объявлять это доказательством. Вместо этого сравнил находку с записями отца, попросил Нину проверить знак и дождался, пока Илья осмотрит место. Только после этого они решились на следующий шаг. В их работе чудеса не отменяли внимательность; наоборот, требовали её ещё больше.

Глава 3. Мотель «Север»

Илью Серова они нашли в придорожном мотеле. На стене висела карта с красными нитями, а на столе лежали старый револьвер, три телефона и миска соли. Илья объяснил, что некоторые существа сначала крадут мелочи: запах дома, любимую песню, голос матери. Потом забирают имя. Когда от человека ничего не остаётся, его тело становится дверью. Они включили кассету отца: «Лиза не погибла там. Я открыл проход, пытаюсь вернуть её. Я думал, что могу контролировать то, что по ту сторону. Я ошибался». В коридоре послышались босые шаги. Три удара в дверь. «Марк, открой. Мне холодно», — произнёс голос Лизы.

Нина разложила найденные предметы на чистой ткани и объяснила, что у каждой аномалии есть три слоя: то, что увидел свидетель; то, что осталось в материальном мире; и то, что существо хочет, чтобы охотник подумал. Марк записал всё в блокнот. Он привык искать быстрый ответ, но теперь понял: поспешный вывод часто опаснее чудовища.

Илья проверил двери и окна, затем провёл мелом тонкую линию у порога. Он не верил в непобедимых монстров, но знал, что привычка спасает чаще, чем храбрость. «Мы не обязаны знать всё, — сказал он. — Мы обязаны замечать, когда чего-то не знаем». Марк запомнил эти слова лучше любой инструкции.

В тишине Марк вспоминал сестру не как фотографию, а как живого человека: упрямую, смешливую, иногда невыносимую. Он пытался удержать не идеальную версию прошлого, а правду, в которой были ссоры, извинения и обычные дни. Эта память не давала готовых ответов, зато помогала распознавать ложь.

Позже Марк заметил деталь, которую раньше пропустил: в рассказе свидетеля не совпало время, на фотографии отсутствовала тень, или знакомое имя было написано чужой рукой. Он не стал объявлять это доказательством. Вместо этого сравнил находку с записями отца, попросил Нину проверить знак и дождался, пока Илья осмотрит место. Только после этого они решились на следующий шаг. В их работе чудеса не отменяли внимательность; наоборот, требовали её ещё больше.

— Что, если мы ошибаемся? — спросил Марк. Нина не ответила сразу. Она рассказала о случае, когда охотники приняли испуганного человека за приманку и чуть не оставили его умирать. «С тех пор я не называю никого чудовищем, пока не проверю, что передо мной, — сказала она. — Но если опасность подтверждается, нельзя притворяться, что её нет». Илья кивнул: милосердие без осторожности превращается в безрассудство, а осторожность без милосердия — в жестокость.

Ночью Марку приснился мост. Вода под ним поднималась к небу, а Лиза стояла на другом берегу и не звала его. Это было страшнее прежних кошмаров: впервые сестра не просила спасти её. Проснувшись, Марк записал сон, но не стал считать его пророчеством. Он начал понимать, что Изнанка пользуется его горем, однако не каждое чувство, которое она пробуждает, принадлежит ей. Иногда боль — просто боль, и с ней нужно научиться жить.

Позже Марк заметил деталь, которую раньше пропустил: в рассказе свидетеля не совпало время, на фотографии отсутствовала тень, или знакомое имя было написано чужой рукой. Он не стал объявлять это доказательством. Вместо этого сравнил находку с записями отца, попросил Нину проверить знак и дождался, пока Илья осмотрит место. Только после этого они решились на следующий шаг. В их работе чудеса не отменяли внимательность; наоборот, требовали её ещё больше.

— Что, если мы ошибаемся? — спросил Марк. Нина не ответила сразу. Она рассказала о случае, когда охотники приняли испуганного человека за приманку и чуть не оставили его умирать. «С тех пор я не называю никого чудовищем, пока не проверю, что передо мной, — сказала она. — Но если опасность подтверждается, нельзя притворяться, что её нет». Илья кив-

нул: милосердие без осторожности превращается в безрассудство, а осторожность без милосердия — в жестокость.

Ночью Марку приснился мост. Вода под ним поднималась к небу, а Лиза стояла на другом берегу и не звала его. Это было страшнее прежних кошмаров: впервые сестра не просила спасти её. Проснувшись, Марк записал сон, но не стал считать его пророчеством. Он начал понимать, что Изнанка пользуется его горем, однако не каждое чувство, которое она пробуждает, принадлежит ей. Иногда боль — просто боль, и с ней нужно научиться жить.

Позже Марк заметил деталь, которую раньше пропустил: в рассказе свидетеля не совпало время, на фотографии отсутствовала тень, или знакомое имя было написано чужой рукой. Он не стал объявлять это доказательством. Вместо этого сравнил находку с записями отца, попросил Нину проверить знак и дождался, пока Илья осмотрит место. Только после этого они решились на следующий шаг. В их работе чудеса не отменяли внимательность; наоборот, требовали её ещё больше.

Глава 4. Правило трёх ударов

Нина погасила свет, а Илья высыпал соль под дверь. Ручка медленно повернулась вниз, хотя замок был заперт. Марк хотел ответить сестре, но Нина остановила его: «Оно проверяет, осталось ли у тебя сердце». После третьего удара из-под двери показался белый палец. Марк назвал вслух своё имя, имя отца и имя матери. Скрежет прекратился. В коридоре никого не оказалось, только мокрый след босой ноги, направленный к лестнице. «Оно знает твоё имя, — сказал Илья. — Теперь будет приходить чаще». Марк убрал нож в карман. «Отлично. Я тоже хочу с ним поговорить».

Нина разложила найденные предметы на чистой ткани и объяснила, что у каждой аномалии есть три слоя: то, что увидел свидетель; то, что осталось в материальном мире; и то, что существо хочет, чтобы охотник подумал. Марк записал всё в блокнот. Он привык искать быстрый ответ, но теперь понял: поспешный вывод часто опаснее чудовища.

Илья проверил двери и окна, затем провёл мелом тонкую линию у порога. Он не верил в непобедимых монстров, но знал, что привычка спасает чаще, чем храбрость. «Мы не обязаны знать всё, — сказал он. — Мы обязаны замечать, когда чего-то не знаем». Марк запомнил эти слова лучше любой инструкции.

В тишине Марк вспоминал сестру не как фотографию, а как живого человека: упрямую, смешливую, иногда невыносимую. Он пытался удержать не идеальную версию прошлого, а правду, в которой были ссоры, извинения и обычные дни. Эта память не давала готовых ответов, зато помогала распознавать ложь.

Позже Марк заметил деталь, которую раньше пропустил: в рассказе свидетеля не совпало время, на фотографии отсутствовала тень, или знакомое имя было написано чужой рукой. Он не стал объявлять это доказательством. Вместо этого сравнил находку с записями отца, попросил Нину проверить знак и дождался, пока Илья осмотрит место. Только после этого они решились на следующий шаг. В их работе чудеса не отменяли внимательность; наоборот, требовали её ещё больше.

— Что, если мы ошибаемся? — спросил Марк. Нина не ответила сразу. Она рассказала о случае, когда охотники приняли испуганного человека за приманку и чуть не оставили его умирать. «С тех пор я не называю никого чудовищем, пока не проверю, что передо мной, — сказала она. — Но если опасность подтверждается, нельзя притворяться, что её нет». Илья кивнул: милосердие без осторожности превращается в безрассудство, а осторожность без милосердия — в жестокость.

Ночью Марку приснился мост. Вода под ним поднималась к небу, а Лиза стояла на другом берегу и не звала его. Это было страшнее прежних кошмаров: впервые сестра не просила спасти её. Проснувшись, Марк записал сон, но не стал считать его пророчеством. Он начал понимать, что Изнанка пользуется его горем, однако не каждое чувство, которое она пробуждает, принадлежит ей. Иногда боль — просто боль, и с ней нужно научиться жить.

Позже Марк заметил деталь, которую раньше пропустил: в рассказе свидетеля не совпало время, на фотографии отсутствовала тень, или знакомое имя было написано чужой рукой. Он не стал объявлять это доказательством. Вместо этого сравнил находку с записями отца, попросил Нину проверить знак и дождался, пока Илья осмотрит место. Только после этого они решились на следующий шаг. В их работе чудеса не отменяли внимательность; наоборот, требовали её ещё больше.

— Что, если мы ошибаемся? — спросил Марк. Нина не ответила сразу. Она рассказала о случае, когда охотники приняли испуганного человека за приманку и чуть не оставили его умирать. «С тех пор я не называю никого чудовищем, пока не проверю, что передо мной, — сказала она. — Но если опасность подтверждается, нельзя притворяться, что её нет». Илья кив-

нул: милосердие без осторожности превращается в безрассудство, а осторожность без милосердия — в жестокость.

Ночью Марку приснился мост. Вода под ним поднималась к небу, а Лиза стояла на другом берегу и не звала его. Это было страшнее прежних кошмаров: впервые сестра не просила спасти её. Проснувшись, Марк записал сон, но не стал считать его пророчеством. Он начал понимать, что Изнанка пользуется его горем, однако не каждое чувство, которое она пробуждает, принадлежит ей. Иногда боль — просто боль, и с ней нужно научиться жить.

Позже Марк заметил деталь, которую раньше пропустил: в рассказе свидетеля не совпало время, на фотографии отсутствовала тень, или знакомое имя было написано чужой рукой. Он не стал объявлять это доказательством. Вместо этого сравнил находку с записями отца, попросил Нину проверить знак и дождался, пока Илья осмотрит место. Только после этого они решились на следующий шаг. В их работе чудеса не отменяли внимательность; наоборот, требовали её ещё больше.

Глава 5. Девушка на плёнке

На кассете отец рассказывал о Собирателе — существе, которое собирает воспоминания, как коллекционер монеты. Оно не убивает сразу, а оставляет человека пустой оболочкой. Нина объяснила, что копия может знать все секреты оригинала и даже верить, что настоящая. Но копия повторяет то, что ты хочешь услышать; настоящий человек способен удивить тебя. В конце записи Лиза просила отца не закрывать дверь, затем раздавался удар и крик. На обороте фотографии проступил знак: круг, перечёркнутый тремя линиями. Блокнот указывал на старый мост.

Нина разложила найденные предметы на чистой ткани и объяснила, что у каждой аномалии есть три слоя: то, что увидел свидетель; то, что осталось в материальном мире; и то, что существо хочет, чтобы охотник подумал. Марк записал всё в блокнот. Он привык искать быстрый ответ, но теперь понял: поспешный вывод часто опаснее чудовища.

Илья проверил двери и окна, затем провёл мелом тонкую линию у порога. Он не верил в непобедимых монстров, но знал, что привычка спасает чаще, чем храбрость. «Мы не обязаны знать всё, — сказал он. — Мы обязаны замечать, когда чего-то не знаем». Марк запомнил эти слова лучше любой инструкции.

В тишине Марк вспоминал сестру не как фотографию, а как живого человека: упрямую, смешливую, иногда невыносимую. Он пытался удержать не идеальную версию прошлого, а правду, в которой были ссоры, извинения и обычные дни. Эта память не давала готовых ответов, зато помогала распознавать ложь.

Позже Марк заметил деталь, которую раньше пропустил: в рассказе свидетеля не совпало время, на фотографии отсутствовала тень, или знакомое имя было написано чужой рукой. Он не стал объявлять это доказательством. Вместо этого сравнил находку с записями отца, попросил Нину проверить знак и дождался, пока Илья осмотрит место. Только после этого они решились на следующий шаг. В их работе чудеса не отменяли внимательность; наоборот, требовали её ещё больше.

— Что, если мы ошибаемся? — спросил Марк. Нина не ответила сразу. Она рассказала о случае, когда охотники приняли испуганного человека за приманку и чуть не оставили его умирать. «С тех пор я не называю никого чудовищем, пока не проверю, что передо мной, — сказала она. — Но если опасность подтверждается, нельзя притворяться, что её нет». Илья кивнул: милосердие без осторожности превращается в безрассудство, а осторожность без милосердия — в жестокость.

Ночью Марку приснился мост. Вода под ним поднималась к небу, а Лиза стояла на другом берегу и не звала его. Это было страшнее прежних кошмаров: впервые сестра не просила спасти её. Проснувшись, Марк записал сон, но не стал считать его пророчеством. Он начал понимать, что Изнанка пользуется его горем, однако не каждое чувство, которое она пробуждает, принадлежит ей. Иногда боль — просто боль, и с ней нужно научиться жить.

Позже Марк заметил деталь, которую раньше пропустил: в рассказе свидетеля не совпало время, на фотографии отсутствовала тень, или знакомое имя было написано чужой рукой. Он не стал объявлять это доказательством. Вместо этого сравнил находку с записями отца, попросил Нину проверить знак и дождался, пока Илья осмотрит место. Только после этого они решились на следующий шаг. В их работе чудеса не отменяли внимательность; наоборот, требовали её ещё больше.

— Что, если мы ошибаемся? — спросил Марк. Нина не ответила сразу. Она рассказала о случае, когда охотники приняли испуганного человека за приманку и чуть не оставили его умирать. «С тех пор я не называю никого чудовищем, пока не проверю, что передо мной, — сказала она. — Но если опасность подтверждается, нельзя притворяться, что её нет». Илья кив-

нул: милосердие без осторожности превращается в безрассудство, а осторожность без милосердия — в жестокость.

Ночью Марку приснился мост. Вода под ним поднималась к небу, а Лиза стояла на другом берегу и не звала его. Это было страшнее прежних кошмаров: впервые сестра не просила спасти её. Проснувшись, Марк записал сон, но не стал считать его пророчеством. Он начал понимать, что Изнанка пользуется его горем, однако не каждое чувство, которое она пробуждает, принадлежит ей. Иногда боль — просто боль, и с ней нужно научиться жить.

Позже Марк заметил деталь, которую раньше пропустил: в рассказе свидетеля не совпало время, на фотографии отсутствовала тень, или знакомое имя было написано чужой рукой. Он не стал объявлять это доказательством. Вместо этого сравнил находку с записями отца, попросил Нину проверить знак и дождался, пока Илья осмотрит место. Только после этого они решились на следующий шаг. В их работе чудеса не отменяли внимательность; наоборот, требовали её ещё больше.

Глава 6. Мост чёрной воды

Мост стоял над рекой, которая даже летом оставалась холодной. Марк помнил аварию обрывками: дождь, крик матери, красные огни, отец, кричавший не смотреть назад. Под мостом воздух искривлялся, образуя прямоугольную дверь. За ней вода текла вверх, а на берегу стояли люди без лиц. Из проёма вышел отец, но Марк понял, что это подделка: она не знала, где отец был в год смерти матери. Лицо существа треснуло, из него потекла чёрная вода. В глубине Марк увидел Лизу. Она не улыбалась, а показывала на ладони слово «БЕГИ».

Нина разложила найденные предметы на чистой ткани и объяснила, что у каждой аномалии есть три слоя: то, что увидел свидетель; то, что осталось в материальном мире; и то, что существо хочет, чтобы охотник подумал. Марк записал всё в блокнот. Он привык искать быстрый ответ, но теперь понял: поспешный вывод часто опаснее чудовища.

Илья проверил двери и окна, затем провёл мелом тонкую линию у порога. Он не верил в непобедимых монстров, но знал, что привычка спасает чаще, чем храбрость. «Мы не обязаны знать всё, — сказал он. — Мы обязаны замечать, когда чего-то не знаем». Марк запомнил эти слова лучше любой инструкции.

В тишине Марк вспоминал сестру не как фотографию, а как живого человека: упрямую, смешливую, иногда невыносимую. Он пытался удержать не идеальную версию прошлого, а правду, в которой были ссоры, извинения и обычные дни. Эта память не давала готовых ответов, зато помогала распознавать ложь.

Позже Марк заметил деталь, которую раньше пропустил: в рассказе свидетеля не совпадало время, на фотографии отсутствовала тень, или знакомое имя было написано чужой рукой. Он не стал объявлять это доказательством. Вместо этого сравнил находку с записями отца, попросил Нину проверить знак и дождался, пока Илья осмотрит место. Только после этого они решились на следующий шаг. В их работе чудеса не отменяли внимательность; наоборот, требовали её ещё больше.

— Что, если мы ошибаемся? — спросил Марк. Нина не ответила сразу. Она рассказала о случае, когда охотники приняли испуганного человека за приманку и чуть не оставили его умирать. «С тех пор я не называю никого чудовищем, пока не проверю, что передо мной, — сказала она. — Но если опасность подтверждается, нельзя притворяться, что её нет». Илья кивнул: милосердие без осторожности превращается в безрассудство, а осторожность без милосердия — в жестокость.

Ночью Марку приснился мост. Вода под ним поднималась к небу, а Лиза стояла на другом берегу и не звала его. Это было страшнее прежних кошмаров: впервые сестра не просила спасти её. Проснувшись, Марк записал сон, но не стал считать его пророчеством. Он начал понимать, что Изнанка пользуется его горем, однако не каждое чувство, которое она пробуждает, принадлежит ей. Иногда боль — просто боль, и с ней нужно научиться жить.

Позже Марк заметил деталь, которую раньше пропустил: в рассказе свидетеля не совпадало время, на фотографии отсутствовала тень, или знакомое имя было написано чужой рукой. Он не стал объявлять это доказательством. Вместо этого сравнил находку с записями отца, попросил Нину проверить знак и дождался, пока Илья осмотрит место. Только после этого они решились на следующий шаг. В их работе чудеса не отменяли внимательность; наоборот, требовали её ещё больше.

— Что, если мы ошибаемся? — спросил Марк. Нина не ответила сразу. Она рассказала о случае, когда охотники приняли испуганного человека за приманку и чуть не оставили его умирать. «С тех пор я не называю никого чудовищем, пока не проверю, что передо мной, — сказала она. — Но если опасность подтверждается, нельзя притворяться, что её нет». Илья кив-

нул: милосердие без осторожности превращается в безрассудство, а осторожность без милосердия — в жестокость.

Ночью Марку приснился мост. Вода под ним поднималась к небу, а Лиза стояла на другом берегу и не звала его. Это было страшнее прежних кошмаров: впервые сестра не просила спасти её. Проснувшись, Марк записал сон, но не стал считать его пророчеством. Он начал понимать, что Изнанка пользуется его горем, однако не каждое чувство, которое она пробуждает, принадлежит ей. Иногда боль — просто боль, и с ней нужно научиться жить.

Позже Марк заметил деталь, которую раньше пропустил: в рассказе свидетеля не совпало время, на фотографии отсутствовала тень, или знакомое имя было написано чужой рукой. Он не стал объявлять это доказательством. Вместо этого сравнил находку с записями отца, попросил Нину проверить знак и дождался, пока Илья осмотрит место. Только после этого они решились на следующий шаг. В их работе чудеса не отменяли внимательность; наоборот, требовали её ещё больше.

Глава 7. Карта из кости

В коробке обнаружилась тонкая пластина, похожая на кость. На ней были выгравированы дороги, пересекавшие города и леса. Нина назвала её картой переходов: она показывала места, где миры соприкасались. Каждое открытие требовало платы — воспоминания, имени или части личности. На карте появилась новая линия к заброшенному санаторию «Белая сосна». В одну ночь там исчезли двадцать семь пациентов. «Собиратель набирает силу, — сказала Нина. — Если он завершит ритуал, Изнанка просочится в города». Марк понял, что страх не исчез, но перестал быть единственным, что он чувствовал.

Нина разложила найденные предметы на чистой ткани и объяснила, что у каждой аномалии есть три слоя: то, что увидел свидетель; то, что осталось в материальном мире; и то, что существо хочет, чтобы охотник подумал. Марк записал всё в блокнот. Он привык искать быстрый ответ, но теперь понял: поспешный вывод часто опаснее чудовища.

Илья проверил двери и окна, затем провёл мелом тонкую линию у порога. Он не верил в непобедимых монстров, но знал, что привычка спасает чаще, чем храбрость. «Мы не обязаны знать всё, — сказал он. — Мы обязаны замечать, когда чего-то не знаем». Марк запомнил эти слова лучше любой инструкции.

В тишине Марк вспоминал сестру не как фотографию, а как живого человека: упрямую, смешливую, иногда невыносимую. Он пытался удержать не идеальную версию прошлого, а правду, в которой были ссоры, извинения и обычные дни. Эта память не давала готовых ответов, зато помогала распознавать ложь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.